

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ

ЧИТАЙТЕ ДЕТЕКТИВЫ ОЛЬГИ ВОЛОДАРСКОЙ! В НИХ НЕТ ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ!

КАРА ДОН-ЖУАНА
ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ ГЕЙШИ
ХРУСТАЛЬНАЯ ГРОБНИЦА БОГИНИ
СЕРДЦЕ ЧЕРНОЙ МАДОННЫ
КОРОЛЬ УМЕР, ДА ЗДРАВСТВУЕТ
КОРОЛЬ
ПРИНЦИП ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ
СВИДАНИЕ С НЕБЕСНЫМ
ПОКРОВИТЕЛЕМ
КЛЯТВА ВЕЧНОЙ ЛЮБВИ
НОЖНИЦЫ СУДЬБЫ
НЕСЛУЧАЙНАЯ НОЧЬ
ПОДУМАЙ ОБ ЭТОМ ЗАВТРА
ПРИЗРАК БОЛЬШОГО ГОРОДА
ДЕВЯТЬ КРУГОВ РАЯ
СТРАСТЬ ПОД ЧУЖИМ ИМЕНЕМ
ОТВЕРГНУТЫЙ ДАР
ТАЙНЫЙ ДНЕВНИК ЛОЛИТЫ
ЛУННЫЙ ДЕМОН
ОН БЫ ОТДАЛ ЖИЗНЬ
СЕДЬМАЯ КАЗНЬ
ДВЕ ПОЛОВИНКИ ТЕМНОЙ ДУШИ
КАЖДЫЙ ДЕНЬ КАК ПОСЛЕДНИЙ
ГИБЕЛЬНЫЙ ГОЛОС СИРЕНЬ
МЕМУАРЫ МЕРТВОГО НЕЗНАКОМЦА
ДЕФИЛЕ НАД ПРОПАСТЬЮ
ЛЮБОВЬ КАК ВОЙНА
КРАСАВИЦА-ЧУДОВИЩЕ
НЕТ ДЬЯВОЛА ВО МНЕ
ПИКНИК НА МЛЕЧНОМ ПУТИ

ДОГОВОР НА ОДНУ ТАЙНУ
ИСПОВЕДЬ ОТШЕЛЬНИКА
ОТВЕТ ПЕРЕД ВЫСШИМ СУДОМ
ПОЕДИНОК С МЕЧТОЙ
ПРЕДПОСЛЕДНИЙ КРУГ АДА
ЗЕМЛЯ ПЕРЕСТАНЕТ ВРАЩАТЬСЯ
ТО ЛИ АНГЕЛ, ТО ЛИ БЕС
ПЕРВАЯ ЖИЗНЬ, ВТОРАЯ ЖИЗНЬ
КУКЛА ЗАТВОРНИКА
ОСКОЛКИ ХРУСТАЛЬНОЙ МЕЧТЫ
ШЕПОТ ГОРЬКИХ ТРАВ
ОБЕТ БЕЗ МОЛЧАНИЯ
О ЧЕМ МОЛЧИТ ВЕТЕР
НЕРАССКАЗАННАЯ СКАЗКА
ШАХЕРЕЗАДЫ
ПРИЗРАКИ ЗАБЫТЫХ МОГИЛ
ТРЕВОЖНОЕ ЭХО ПУСТЫНИ
Я ЗНАЮ, КТО МЕНЯ УБИЛ
ЖЕНА СИНЕЙ БОРОДЫ
НАЙДИ МЕНЯ ПОД ОБЛАКАМИ
ТАМ, ГДЕ РАСТАЕТ МОЙ СЛЕД

СЕРИАЛ

«СОКРОВИЩА КНЯЗЕЙ
ШАХОВСКИХ»
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО СЛУЧАЙ
КАРМА ФАМИЛЬНЫХ БРИЛЛИАНТОВ
НАШ ГРЕШНЫЙ МИР

ОЛЫГА ВОЛОДАРСКАЯ

ТАМ, ГДЕ РАСТАЕТ
МОЙ СЛЕД

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
В68

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *С. Курбатова*

Володарская, Ольга.

В68 Там, где растает мой след : [роман] / Ольга Володарская. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-190947-5

В сонный приморский городок Марина-ди-Пиза, ставший излюбленным местом итальянских пенсионеров, Лида попала не случайно. В нем жила ее подруга Джина, а она...

Она планировала в нем умереть!

Частный детектив, или, как он сам себя называл, искатель Филипп Петров, попавший в Марину-ди-Пизу по работе, об этом не знал. Он планировал закрутить с Лидой легкий курортный роман. Но боги посмеялись над обоими...

Умерла не Лида, а другая женщина. Ее убили! В сонном городке, где ничего не происходит. Теперь Филиппу нужно искать убийцу, а Лиде бороться за жизнь, в которой неожиданно-негаданно появился мужчина ее мечты...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-190947-5

© Володарская О., 2024

© Оформление. ООО

«Издательство «Эксмо», 2024

Часть первая

Глава 1

Он несколько раз встречал эту женщину в городе...

Впервые на набережной. Она лежала на облизанном морем до гладкости гранитном валуне, как на диване, и смотрела на закат. В другой раз он увидел ее на рынке, у прилавка с персиками, еще в джелатерии, кофейне. Высокая, худощавая, с очень короткими волосами, выкрашенными в платиновый блонд, и темными задумчивыми глазами, сегодня она сидела на ступенях базилики и слушала через наушники музыку. Судя по движениям плеч, лирическую. Женщина будто танцевала с воображаемым партнером. Взгляд ее был отстраненным, вид немного печальным. И сегодня, и всегда. Только любуясь закатом, она улыбалась и губами, и глазами, и была очень хороша, поэтому Фил и обратил на нее внимание. Вторая встреча его разочаровала. Женщина оказалась самой обычной. К тому же старше, чем ему показалось вначале. Ей больше сорока, а не тридцать семь. И все же интерес не пропал. Фил, гуляя по городу, искал ее глазами.

Сегодня чуть не пропустил. Сел на террасу, намереваясь быстро выпить кофе и идти дальше.

Фил хотел попасть на почту, чтобы отправить из Италии открытки маме и сестре. Он всегда так делал, находясь за границей, и его девочки не только с радостью получали их, но и хранили. Подзывая официанта, он обернулся, увидел знакомую незнакомку, и решил задержаться в ресторанчике.

— Бокал розе, — попросил он. — Со льдом. И эспрессо.

Официант, мужчина в возрасте, с красиво подкрученными усами и серьгой в ухе, предложил взять сразу бутылку. Он уверял, что в его погребе имеется шикарнейшее венецианское розе, но оно на разлив не подается. К тому же оно холодненькое, и не нужно портить вино льдом. А еще только сегодня из деревни привезен козий сыр пекорино Тоскано, что (по скромному мнению усача) идеально оттенит вкус пино гриджо. Фил дал себя уговорить, хоть и не планировал много выпивать. Пора привыкать к хорошим винам, а то он ничего в них не смыслит, хоть и не впервые в Италии, которая ими славится. А еще официант так вкусно рассказывал и о розе, и о сыре, целуя собранные в гроздь пальцы, жмурясь от удовольствия, что невозможно было перед ним устоять. Фил был убежден, синьор не разводит посетителя на дорогое вино, он искренне хочет помочь ему насладиться прекрасным.

Зазвонили колокола базилики. Переливчато, нежно. Женщина, сидящая на ступеньках, тут же вынула наушники и стала слушать колокола. Ее губы вновь тронула улыбка, но глаза погрустнели. Она будто вспомнила о чем-то (ком-то?) дорогом, милом сердцу, но безвозвратно утерянном.

Фил так и не понял, кто она по национальности. В этом симпатичном городе на берегу Лигурийского моря отдыхали в основном местные. Приезжали из Пизы на машинах и автобусах на выходные. Путь занимал всего полчаса. В массе это были семейные пары с детьми. Реже дружеские компании. Люди в возрасте селились в апарт-отелях, кто побогаче, имел в Марина-ди-Пиза недвижимостью. И все же в городок иногда заносило иностранных туристов из Германии и Англии. Сначала Филипп принял женщину за итальянку, потом за немку, теперь же она виделась ему сербкой: высокая, как они, широкая в кости, кареглазая и от природы, скорее всего, темноволосая. Славянская внешность с южным уклоном Филу всегда казалась особенно привлекательной.

Синьор, что обслуживал Фила, вернулся к его столику с подносом. Пожалуй, он был не рядовым сотрудником, а владельцем кафе. У европейских рестораторов не считалось зазорным подменять официанта. Наверное, потому, что бизнес был, как правило, семейным. В пиццерии, где Фил обычно обедал, трудилось четыре поколения семьи Бенини. Основал ее прадед, который до сих пор сидит за кассой, сын его управляет заведением, внук — шеф-повар, а правнуки гоняют на великах по городу, развозя заказы. От работы никто не отлынивает, а когда засоряется дымоход, его чистит сам директор пиццерии «Бенини» — не отдавать же кровно заработанные постороннему человеку. Все в дом, в семью.

Усач при посетителе откупорил бутылку, чуть плеснул вино на дно высокого бокала. Фил про-

дегустировал розе. Да со знанием дела: посещал виноградники Тосканы, там и научился. Удостоившись одобрительного взгляда усача, кивнул головой, оценил то есть. Вино было действительно приятным, легким и будто отдающим лепестками роз, но то, что подавали на разлив, Филу тоже нравилось. Единственным алкогольным напитком, в котором он разбирался, был ром. Распробовал его Фил не на Кубе или Барбадосе, а во Франции. Страна, которая когда-то имела большие островные владения, как оказалось, славилась не только винами и игристым, но и ромом. Пожалуй, было бы неплохо охладиться коктейлем на его основе даже в Италии, но не в этом городке. Он ассоциировался у Фила только с легким, как морской бриз, вином, розовым — под цвет заката.

Фил сделал еще пару глотков, отправил в рот кусочек сыра. Он не спешил. В Италии все, даже воздух, расслабляет, погружает в негу. Хочется сидеть на террасе, пить вино или кофе, размеренно поглощать пищу, дегустировать ее, смаковать, а не закидывать, как в топку, жмуриться на солнце, позволять ему ласкать лицо, а ветру — трепать волосы, рассматривать людей, котиков, птишек, думать о чем-то абстрактном... Дремать! Филипп, привыкший спать по восемь часов и только ночью, пока боролся с собой и в часы сиесты не ложился покемарить, но лишь потому, что не планировал оставаться в Италии надолго. Жил он в мегаполисах с бешеным ритмом жизни. Родился и вырос в Баку, у суматошного Яшыл-базара, потом с семьей переехал в Москву, там учился в институтах, делал первые шаги в карьере. Сестра и сейчас там, мама недавно переехала в Минск,

а Фил последние три года обитает в Стамбуле. Ни один из этих городов, даже небольшой по сравнению с остальными Баку, не даст своему жителю расслабиться настолько, чтобы полеживать средь бела дня.

Бокал Фила еще не опустел, как предусмотрительный официант подлил еще вина, спросил, все ли в порядке и не желает ли синьор еще чего-то. Тот, понимая, что на почту уже не успевает, пожелал фокаччу: традиционную для этих мест пикантную пиццу.

Подняв бокал, Фил снова нашел глазами женщину. Она все еще сидела на ступеньках, но теперь с блокнотом. Не электронным, обычным, и записывала в него что-то перьевой ручкой. Кажется, «Паркером». Стихи сочиняет? Пишет музыку? Ведет дневник? Или банально составляет список покупок? Фил, если бы сидел рядом, обязательно заглянул бы в блокнот, так ему было любопытно, какое именно из его предположений верно. Очевидно, его взгляд оказался настолько пристальным, что женщина его почувствовала и обернулась. В глазах сосредоточенность. Вспоминает, знакомо ли ей лицо плящегося на нее мужчины. Оказалось, что нет. На Филиппа она не обращала внимания, хоть они пару раз оказывались в нескольких сантиметрах друг от друга. Обидно? Нет, скорее удивительно. Остаться для кого-то безликим, имея очень яркую внешность, практически невозможно. Огненно-рыжий Филипп, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, обычно носил головные уборы. Кепки да шапочки еще тем хороши, что густые и кучерявые волосы в узде держат. Но именно тут, в Лигурии,

Фил дал им полную свободу. Пусть треплются на ветру, лезут в глаза, путаются в воде, выгорают на солнце до морковного цвета. В Стамбуле острижет их к чертовой матери, надоели. А бороде отрастит. С тем и другим ходить не мог, поскольку сразу превращался в скандинавского воина и напоминал прохожим то какого-то артиста, то рестлера, то модель, рекламирующую одежду для походов. Лучший друг Фила, Мурат, лысоватый худенький азербайджанец, негодовал из-за того, что Пасли (прозвище, прилипшее в детстве, означающее «Ржавый») не пользуется этим. Дал бог орехи беззубому, бубнил он, упаковывая свое узкоплечее тело в красивый костюм и фиксируя челку так, чтобы она не походила на жалкий хохолок. Мурат до женитьбы был страшным бабником, и чтобы добиваться успеха, ему приходилось много стараться. Другу же досталась внешность викинга, а ему на дамочек плевать. Не совсем, конечно, он в отношения вступает иногда, но без них ему как будто спокойнее. Сидит себе за компьютером, в кнопки тычет с утра до вечера. И ладно бы порнушкой баловался, так нет, в цифрах да схемах погрязает.

Пока в голове Фила проносились эти мысли, взгляд незнакомки изменился. Стал вопросительным и немного дерзким. Озвучь его, получилось бы: «Че вылупился?» Фил, немного опешив, отсалютовал даме бокалом. Та усмехнулась и вернулась к своим записям.

«Русская, — сразу понял Фил. — Только у наших бывает такой красноречивый взгляд, а в нем неприкрытый вызов!» Ему даже показалось, что он и ухмылку ее прочитал: «Салютует он, Вели-

ким Гэтсби недоделанный!» Впрочем, Фил мог ошибаться. В женщинах он разбирался плохо. Все его отношения были краткосрочными и поверхностными, ни с одной не захотелось задержаться надолго и, как следствие, ее разгадать. Он расставался легко, быстро своих бывших забывал, никаких выводов после разрыва не делал, а все потому, что ни разу не был влюблен. В студенческие годы, когда все его друзья бились в страстях, заваливали сессии, женились по залету, бросали все и уезжали с избранницей на Алтай или Гоа, Фил учился в двух институтах, подрабатывал где мог, да еще помогал маме с лежащим отцом. Ему было просто не до глупостей! Мурат же считал, что Пасли еще не созрел, потому что когда гормоны бушуют океаном, то и эмоции сносят, и тебе на все плевать, а на учебу особенно. Фил с ним, как с экспертом по страстям, соглашался. Но шли годы, а ничего не менялось. В плане эмоций. Секса же хотелось больше, чем раньше, но все потому, что на мысли о нем время появилось. И Фил получал его, когда сильно хотел, бывало, что и за деньги. Но одержимым сексом он тоже не стал. Есть — хорошо, нет — можно перенаправить нерастратченную энергию в нужное русло. Перезрел, вынес вердикт Мурат и немного Пасли посочувствовал. Что это за жизнь такая, без страсти? Прозябание...

Филипп встал из-за стола. Но тут же плюхнулся на место. Его маневра никто не заметил, и слава богу. Подходить к женщине, чтобы пригласить ее за столик, было поспешным решением. Несolidно так действовать. Да и как себя вести, если откажет? Помнил Фил, как на выпускном

он пошел через весь зал, чтобы пригласить на медленный танец королеву бала. Он впервые попробовал алкоголь, она всегда относилась к нему с симпатией, ведь они были соседями и приятелями. И Фил захотел потанцевать с подружкой, а она ему отказала, потому что тут, на балу, она королева, а он... Никто! Не спортсмен, не танцор, не кавээнщик. Даже не отличник-медалист. Фил, когда протрезвел, понял причину осечки, но осадочек, как говорится, остался. Больше он дам на медленные танцы не приглашал, но им не отказывал.

На столе, кроме салфетницы и набора со специями, стоял стакан с разноцветными карандашами и листиками белой бумаги — для детей, чтоб рисовали, пока готовится заказ. Фил подвинул его к себе, затем махнул рукой мальчишке с великом, что проходил мимо. В корзине, прикрепленной к багажнику, стояли горшочки с цветами. Чтобы не разбить их, пацан (по-итальянски: рагаццо) не ехал, а шел. Остановившись рядом со столиком Фила, он вопросительно протянул:

— Синьор?

— Сколько стоит? — Фил указал на один из горшков, в нем росли дивные цветочки небесно-голубого цвета.

Мальчишка задумался. Растения были не для продажи. Он доставлял их, как правнуки ресторатора Бенини пиццу, или вез горшки от цветочника к себе домой. Они явно на счет. Взял двенадцать, с него столько и спросят. Поэтому пацан и катил велосипед, чтобы все до единого целехонькими остались. За разбитый горшок отругают, а то и по заднице надают. И все же это не такое страшное

наказание, если за него есть денежная компенсация. Итальянцы наличных денег ребятам просто так не давали, только по случаю, а так хотелось иметь в кармане хотя бы несколько евро. Лучше пятнадцать. На них можно новую футболку с логотипом «Ювентуса» купить.

— Двадцать евро, — выпалил мальчишка, зажмурившись от своей наглости. Такому цветку в лавке красная цена — пятерка. А вообще их все сами выращивают: неприхотливые.

— Хорошо, — не стал с ним торговаться Фил. — И я накину еще пять за доставку цветка. Согласен?

— Далеко не повезу, — стал набивать цену рагаццо.

— Вон той синьоре передай, — и кивнул в сторону знакомой незнакомки. — И вот эту записку, — он сунул ее между соцветий.

— Деньги вперед.

Фил, усмехнувшись, достал из кошелька несколько купюр. Любопытный пацан попытался прочитать текст записки, благо ее не свернули, но не смог разобрать ни слова. Написано не по-итальянски и даже не по-английски...

Зная несколько языков, Фил использовал русский. Был уверен, что женщина его поймет. Но если нет, нестрашно, заинтересуется, уже хорошо.

Мальчишка подошел к ней и неловко всучил горшок. Застеснялся в самый последний момент. Фил в его возрасте так же тушевался, когда вручал дамам букеты, даже если они учительницы.

Отработав гонорар, пацан быстро удалился, рискуя потерять еще одно растение: велик подпрыгивал на брусчатке, и горшки, теперь неплотно стоящие, сильно дрожали. Женщина проводи-

ла его улыбкой, открытой, искренней, задорной, после чего опустила взгляд на цветок и торчащую между стеблей записку. Брови ее взметнулись вверх. Удивилась русскому языку, но поняла его сто процентов. Фил приглашал даму присоединиться к нему и очень надеялся, что та согласится. Так и написал.

Незнакомка замешкалась. Она не только не сразу поднялась со ступеней, даже не посмотрела на Филиппа. И все же он дождался ее взгляда. На сей раз он не салютовал ей бокалом. Просто ждал решения.

— Как вы узнали, что я русская? — спросила женщина, подойдя. У нее был низкий, чуть хрипловатый голос. Для кого-то грубоватый, но ей он шел.

Фил встал, чтобы соблюсти правила этикета. Отец учил его с детства.

— Я предположил. И, как понимаю, не ошибся. Вы ведь не просто знаете великий и могучий, он ваш родной?

Она кивнула.

— Приятно услышать русскую речь, находясь на чужбине. — Женщина протянула руку и представилась: — Лидия.

— Филипп. — Он легонько пожал ее кисть и хотел отодвинуть стул, чтоб дама села, но его опередил синьор официант. Он не просто выполнял свою работу, а хотел произвести впечатление на даму: был обходительнее и милее обычного, играл глазами, шевелил усами, сыпал комплиментами. Фил отправил его еще за одним бокалом и приборами, но удалился он не сразу, а только после того, как представился Лиде. Звали усача

Люцио, и он оказался, как и предполагалось, владельцем ресторанчика.

— Я буду только воду, — сказала Лидия, усевшись. Цветок она поставила рядом.

— Может, хотя бы кофе?

— В жару не хочется.

— Джелато? — Все итальянское мороженое прекрасно, но регион Тоскана, где, собственно, они сейчас находились, особенно им славился.

— Я не голодна, спасибо.

— А я пиццу заказал, — не сдержал разочарования Фил. Не так он представлял их посиделки. Думал, выпьют, вкусно поедят, поболтают, пошмеются, потом пойдут гулять по набережной. Но Лида, судя по всему, не настроена на все это. Из вежливости присела за стол, сейчас попьет воды и пойдет по своим делам.

— Это нечестно, — простонала она. — Пицца — это то блюдо, от которого я не могу отказаться.

Фил просиял. А жизнь-то налаживается!

Вернулся Люцио. Принес не только посуду, приборы и воду, но и комплимент от заведения: компот из персиков с жасминовым чаем и миндальное печенье, подающееся к нему. Пиццу обещал подать через пару минут. К счастью, когда она приготовилась, в кафе пришла большая компания, Люцио переключил свое внимание на нее, и фокаччу водрузил на их столик паренек с заливным гелем хохолком, стоявший до этого за барной стойкой.

— Перейдем на «ты»? — сразу предложил Фил. Лида не возражала. — Каким ветром тебя занесло в этот городок?

— Встречным.

— Это антоним к «попутному», но я не очень понимаю...

— Все было против того, чтобы я сюда попала. Мне отказывали в визе, отменяли самолет, я даже в аварию попадала по дороге сюда. И все же добралась.

— У тебя тут живет кто-то близкий? Родственник, друг?

— Нет. Просто я влюблена в этот городок. Искренне, потому что необъяснимо. В Италии столько дивных мест, а моя душа рвется в Мари-на-ди-Пиза.

— Городок и меня очаровал, но я не смог бы задержаться в нем дольше, чем на неделю. А сколько ты тут находишься?

— Три месяца, и не планирую уезжать.

— Не скучно?

— Если чувствую, что засиделась, еду во Флоренцию. — Она с удовольствием выпила компота, а к печеню не притронулась. — А ты как сюда попал?

— По делам приехал в Пизу, закончив их, решил отдохнуть на море.

— А сам откуда?

— Родом из Баку.

— У тебя есть азербайджанские корни?

— Насколько я знаю, нет. Прапрадед по отцовской линии еще до революции молодым специалистом приехал в Баку из Симбирска, да так и остался. А мама моя сибирячка. С отцом познакомилась в Крыму, на дискотеке санатория «Ялта». Обоим туда дали путевки предприятия.

— Это было еще при СССР? Я думала, ты очень молод. Дала бы тебе тридцать.

— Я старше. — Фил разложил по тарелкам пиццу и взялся за нож и вилку, но, когда Лида ухватила ее руками, отложил приборы. Он при ней хотел соблюсти чуждые Италии приличия, но раз они на одной волне, будут лопать фокаччу со вкусом: трогать тесто, позволять расплавленному сыру стекать по подбородку, облизывать пальцы. — Я видел, ты что-то записывала в блокнот, — прожевав первый кусок, продолжил разговор Фил. — Можно узнать, что именно?

— Какие варианты?

— Я ставил на стихи, но не исключал списка покупок.

— Не хочется расстраивать, но ты не был близок. Я писала письмо маме. От руки, потому что она не умеет пользоваться электронной почтой. Да и приятнее это... Получать бумажные конверты со штемпелем другой страны.

— Согласен. Но своей я отправляю открытки.

— Я тоже. И распечатанные фотографии. Еще засушенные листики, цветочки. Картинки, фантики. Мы ведем настоящую переписку в стиле ретро.

— Звоните друг другу хотя бы по мобильному? Или телеграф?

— Вот ты смеешься, а я даже голосовые сообщения не могу отправить, у мамы кнопочный телефон. И естественно, до сих пор не отключен городской. А еще радио!

Она говорила весело и с аппетитом ела пиццу. Сейчас Лида была как девочка, пусть и с морщинками у глаз. Впервые Фил отметил, что она не

просто интересная, а красивая. Черты лица крупные, но правильные: выдающиеся скулы, прямой нос, в меру пухлые губы четкой формы, длинная шея, резкие ключицы. Можно было бы сказать, что у нее внешность современной амазонки, если бы не отсутствие мышц. Вид подтянутый, но не спортивный. Лида как будто много ходит и плавает в море, возможно, танцует, но не занимается даже йогой, не говоря уже о фитнесе.

— У меня что-то на лице? — обеспокоенно спросила Лида и принялась вытирать рот. Решила, что перепачкалась, вот он и устался.

— Нет, все в порядке, — успокоил ее Фил. — Просто засмотрелся на тебя... Ты очень красивая.

— Да? — она была удивлена.

— Разве мужчины до меня не говорили тебе такого?

— Раньше часто. Особенно тут, в Италии. Но я действительно была красоткой и выглядела сногшибательно, с длинными каштановыми волосами, макияжем, носила платья и каблуки. До Малены в исполнении Моника Белуччи недотягивала, конечно, но образ был похож.

— И почему ты ему изменила?

— Само как-то произошло, — невнятно ответила она.

Насколько Фил знал, женщина даже на десять сантиметров волосы не пострижет без какого-то толчка. Каре для длинноволосой — отчаянный шаг. Как и смена цвета. А тут и стрижка почти под ноль, и ультраблонд вместо родного каштана. Плюс иной стиль в одежде: удобный, полуспортивный, но с изюминкой. Сейчас, например, на Лиде накидка-трансформер из летящего матери-

ала, явно дизайнерская, простая майка и джинсы из массмаркета.

— А мне Моника Белуччи не нравится, — не покривил душой Фил. — А ты — да. — Розе подействовало? Или сама атмосфера? Но Фила понесло: — Я тебя давно заметил. Ты любишь закат на море, персики и лимонное джелато без всяких наполнителей. А еще ты пишешь письма маме ручкой «Паркер», но об этом я узнал только сегодня.

Она отложила недоеденный кусок пиццы и пристально посмотрела на Фила. Сейчас, когда солнце светило ей в лицо, глаза уже не казались черными. Карие, с янтарными прожилками. А кончики ресниц белесые. Подкрась их, будут длинными, пушистыми. С макияжем эта женщина совершенно точно была неотразимой, но Филу она нравилась именно такой — «не парадной».

— Извини, но я тебя не замечала.

— Уже понял, — усмехнулся Фил.

— Хотя ты очень яркий парень. Солнечный. И даже странно, что я не обратила на тебя внимание.

— Ты всегда была погружена в себя и людей как будто вообще не замечала.

— Это тоже вновь приобретенное. — Лида оставила тарелку с двумя корочками, чтобы больше к пицце не прикоснуться. Бережет фигуру, понятно: на теле ни жиринки. И Филу это нравилось, он не был поклонником пышных дам. — Всю жизнь была наблюдателем. И в первую очередь меня интересовали люди. Я внимательно рассматривала и детей и взрослых, иногда просто потому, что они радовали глаз, чаще, когда интриговали меня.

— Придумывала им характеры, привычки, имена, хобби?

— Больше того: судьбы.

Фил хотел попросить ее сделать это сейчас. Ему было интересно, что она думает о нем, какой видит его жизнь. Но Лида, будто бы догадавшись об этом, быстро разговор свернула:

— Но все это в прошлом, сейчас меня увлекают не сами люди, а их творения. Архитектура, живопись, музыка...

— А литература?

— Нет, я не читаю книг. Мне вдруг стало жаль времени на них. Зачем мне придуманный кем-то мир? Я хочу погрузиться в свой: провожать за горизонт солнце, вдыхать запах персиков, моря, кофе, сушеной лаванды, слушать колокольный перезвон, наслаждаться теми секундами, когда лимонное джелато тает на языке...

И опять эта поволока на глазах. Набежала на яркое золото глаз мрачной тучкой, и они стали пасмурными. Лида смотрела внутрь себя темно-карими глазами без всяких янтарных прожилок. Что же такое случилось с ней? Явно какая-то драма. Умер кто-то очень близкий, и жизнь разделилась на до и после? Ее предали, подставили? Чуть не убили? Или все прозаичнее, и от нее к лучшей подруге ушел муж, с которым она душа в душу двадцать лет...

— Загрузила я тебя, да? — услышал он голос Лиды. — Извини. Одичала я немного, разучилась поддерживать длительную беседу. Но в смол-токе я сильна! — Имелся в виду короткий разговор ни о чем с соседями, официантами, продавцами, водителями такси.

— Ты не грузишь, — не согласился с ней Фил. — Но часто погружаешься... В себя. Это тоже приобретенное?

— Нет, такой я была всегда. Случалось, смеялась ни с того ни с сего, чем удивляла, а порой злила окружающих. Они думали, я над ними.

— А ты над своими мыслями? Со мной случается нечто подобное. И выглядит еще более странно, нежели смех без видимой причины. Дело в том, что я часто развлекаю себя решением в уме математических задач. Над особенно сложными бьюсь по несколько дней и, когда расщелкиваю их, могу прокричать ответ. Я и на лекциях орал, и на совещаниях, и в очереди на паспортном контроле.

— Да, ты еще более странный, чем я, — шутливо проговорила Лида. — Кстати, я по образованию учитель математики и несколько лет проработала в гимназии. А ты чем занимаешься?

— Программист, — почти не соврал он. Фил в том числе работал и с компьютерными системами.

— И какие же дела могут привести человека твоей профессии в Пизу? — недоверчиво спросила она. Соображает! Но и он не лыком шит:

— Клиент очень боится кражи информации. И он очень богат. Такому легче привезти программиста к себе, усадить его за личные компьютеры и проконтролировать работу.

— Это ведь не поможет? Программист, тем более умеющий держать в памяти решения сложных математических задач, найдет способ совершить кражу.

— Конечно. Но клиенту об этом знать не нужно. Тем более я не занимаюсь компьютерным

воровством. — И про себя добавил: «С некоторых пор».

Вино кончилось, опустел стакан с компотом, от пиццы остались лишь корки. Фил больше ничего не хотел, как и Лида.

— Прогуляемся до моря? — предложил он.

Она согласилась. Расплатившись и оставив щедрые чаевые, Фил повел даму к кипарисовой аллее, следуя по которой они попадали на набережную. Люцио махал им вслед и всем своим видом показывал, что одобряет выбор рыжекудрого туриста. Усач имел хороший вкус во всем, не только в вине и сырах, но и в женщинах.

Цветок Лида завернула в пакет и убрала в котомку. А из нее достала солнечные очки. Фил тоже прикрыл глаза затемненными стеклами — солнце било прямо в них.

— А ты довольно высокий, — отметила Лида. — Я думала, с меня.

— Кажусь ниже из-за комплекции. — Он поиграл мощными руками.

— Спортсмен?

— Просто хожу в зал. Работа сидячая, вот и приходится тренинг, чтобы не расплыться.

Опять соврал! По малости, и все же. Фил посещал зал почти каждый день. Если не было такой возможности, бегал, прыгал, подтягивался, отжимался на улице. Тут, например, он каждое утро совершал марш-бросок до дикого пляжа, там таскал камни, и напрягая мышцы, и расчищая заход в воду, потом плавал, занимался растяжкой. Все это он делал не для того, чтобы хорошо выглядеть. И не разжирел бы он никогда, разве что брюшко бы наел да щечки. Фил обзавелся мощным мы-

шечным корсетом, чтобы не обезножить. Была травма позвоночника, которая сделала его лежащим. Полгода Фил не вставал с кровати и, если бы слушал врачей, так и не встал бы. Все твердили «случай безнадежный». Даже хирурги-новаторы, хоть и готовы были взяться за Филиппа, ничего не обещали. Он не готов был смириться с инвалидностью, как и стать подопытным, поэтому вылечил себя сам. Три месяца он изучал различные методики, анализировал их, проштудировал как трактаты восточной медицины, так и традиционные учебники, и составил план действий. Фил делал упражнения и массаж, придерживался специальной диеты, ставил иглы, жаль, не везде дотягивался, но доверить свое тело он не мог никому. Через полгода он встал. Вскоре пошел, но на дрожащих ногах. И стоять долго не мог. Но сидеть — сколько угодно. Кто-то был бы рад и этому, но только не Фил. Совершенно неспортивный парень начал заниматься в зале. Ходил туда каждый день, но поначалу не мог ни штангу поднять, ни подтянуться больше раза, ни пробежаться по дорожке. Но к вечеру тело болело так, будто он несколько часов носился, как спецназовец, в полном обмундировании по джунглям, да еще с раненым товарищем на спине. Это Филиппа тоже не остановило. Он увеличивал нагрузки, пока не довел себя до обморока. Отрубился он прямо на тренажере, когда делал жим лежа, благо не покалечился, а только лицо разбил о лавку. К нему тут же подбежал инструктор, стал приводить в чувство. Звали его Михой.

Парень не походил на остальных тренеров. Был маленький, худощавый, одевался очень про-

сто, а не как другие: в кричащие шорты, кроссовки, майки с экстравагантными вырезами, не носил напульсников, повязок на голову и не тренил в любую свободную минуту. Но при всем при этом «стоял» больше чемпионов по бодибилдингу. Оказалось, Миха имеет медицинское образование и почти десять лет проработал с профессиональными спортсменами, помогая им восстанавливаться после травм. Делу своему он отдавался целиком, вкалывал по пятнадцать часов, среди ночи поднимался по звонку, был в вечных разъездах. Жене это надоело, и она поставила ультиматум: или меняешь работу, или разводимся. Мишу это возмутило. Как супруга не понимает, что парни без него пропадут? «Незаменимых людей нет, — возразила ему она. — Найдут другого физиотерапевта... Или я мужа. Надоело быть соломенной вдовой, Миха!»

И он уволился. О чем жалел недолго: права жена оказалась, нашли Михе замену почти тут же, и уже через полгода многие о нем думать забыли. Те, что называли себя по гроб жизни ему обязанными, даже не поздравили с юбилеем.

Благодаря Михе, который взялся за него, Филипп полностью выздоровел. Так, по крайней мере, решили врачи и сняли с него даже третью группу инвалидности, хотя травма никуда не делась. «Помни об этом и никогда не расслабляйся, — напутствовал его Миха. — Если, конечно, не хочешь, чтоб позвоночник в трусы ссыпался!»

Филипп не расслаблялся. Но травма все равно о себе напоминала. Она царапалась через преграду из костей, мышц, жира, кожи, сначала осторожно, почти незаметно, потом становилась

настойчивее, яростнее. Боль усиливалась. Только была ноющей, и вот уже острая, перерастающая в раздирающую. Она как дикий зверь рвалась из темницы, билась, вгрызалась, рвала когтями забаррикадированный выход. И когда ей удавалось выбраться, боль завладевала всем телом. К счастью, это случалось редко. Фил изучил свою травму, сжился с ней, как с женой-истеричкой или буйным соседом по психиатрической палате, и научился не допускать рецидивов. Помогала акупунктура. Без нее пришлось бы регулярно колоть обезболивающие, чего Фил избегал. Главное его сокровище — это мозг, и вредить ему наркотиками, пусть и одобренными врачами, он не хотел. Отказался бы от лекарств совсем, но пока не получалось. Когда боль вырывалась из темницы, справиться с ней могли только они...

— Не ты ли камни на диком пляже таскаешь? — спросила вдруг Лида.

— Я, — не стал отнекиваться Фил. — Значит, все же замечала меня раньше?

— Не я, подруга. Тоже русская, но с итальянским паспортом. Женей ее назвали при рождении, тут она стала Джинной, Джинни, Жи-Жи. У нее дом на набережной. Она любит, сидя на балконе, пить утренний кофе с сигареткой, лакомиться шоколадом и смотреть на море. Обычно в ранний час на пляже никого, поэтому она и обратила внимание на тебя. Решила, что ты строишь себе хижину, чтобы ночевать в ней, когда пойдут дожди.

— Она приняла меня за бродягу, которому негде жить?

— Не так. Женя придумала себе тебя. Как я когда-то делала. Она тоже творческая натура...

— Математик, как и ты? — улыбнулся Фил.

— Нет, Женя модельер. В прошлом успешный. Может, слышал о модном доме «Джина Костелло»? — Он мотнул головой. — Это ее детище.

— Творца покинуло вдохновение и бизнес прогорел?

— Нет, обстоятельства вынудили продать его. Но без Жени там все разладилось, и модный дом превратился в дешевый бренд под названием «Джи-Ко».

— Честно говоря, меня больше ты интересуешь, — не дал ей погрязнуть в рассказе о подруге Фил. — И я хотел вот что спросить: как в тебе сочетаются физика и лирика? Мечтательных математиков я еще не встречал. Обычно у человека способности либо к точным, либо к гуманитарным наукам.

— Глупости какие, — отмахнулась Лида. — Возьми да Винчи. Или нашего Ломоносова. Они гении, понятно, но и среди нас, скромно одаренных, есть универсалы. Мне легко давались все предметы, но я выбрала математику, чтобы поменьше витать в облаках. Она меня дисциплинировала.

Они вышли на набережную и направились в сторону дикого пляжа. Направление выбрала Лида, и Фил не возражал.

— Тогда почему ты перестала ею заниматься? — продолжил диалог.

— Дала себе волю, распустила крылья и взмыла в облака. — Она взмахнула руками, и легкая ткань ее накидки взметнулась вверх, чтобы затрепетать на ветру. Сейчас она особенно шла Лиде. — А если без лирики: я устала от школы, от проверки тетрадей, дополнительных занятий,

поездок с учениками на олимпиады (гимназия с уклоном была). От них самих тоже устала, они так были не похожи на нас, советских детей.

— Куда ушла из школы?

— В никуда. Засела дома и посвятила себя творчеству. Я рисовала и писала фантастические романы. Мне с детства нравились эти занятия, но во взрослой жизни на них не хватало времени. — Фил хотел спросить, на что она жила, но не знал, уместно ли это. Хорошо, что Лида сама об этом заговорила: — Конечно, живи я одна, ни о каком увольнении и речи бы не было, но у меня имелся муж, который хорошо зарабатывал. — Через паузу она добавила, но как-то неуверенно: — Он поддержал меня в моем решении.

Муж, значит. Не с ним ли связана драма?

— Сейчас ты в разводе? — не смог на этот раз смолчать Фил. Мысленно он скрестил пальцы и стал ждать положительного ответа. Конкурировать с мертвыми людьми сложно, а сравнений с бывшими не избежать.

— Да, мы расстались десять лет назад. Не скажу, что друзьями, но нормальные отношения сохранили. До сих пор друг друга с праздниками поздравляем.

Лида приостановилась, достала из сумки початую бутылку воды и таблетку.

— От пиццы у меня изжога, — бросила она перед тем, как выпить. — Поэтому я стараюсь себя в ней ограничивать.

— Пойдем до дикого пляжа?

— Ой, нет, далеко.

— Километра полтора всего. Зато сможешь увидеть хижину, которую я строю.

— В другой раз, — улыбнулась Лида. — А если бы тебе было интересно, я бы рассказала, каким себе придумала тебя Женя.

— Бомжом, я уже понял.

— Скитальцем, — поправила Фида она. — Человеком, ищущим свой рай. По второй же версии...

— Их несколько? — подивился Филипп.

— Каждый день рождается новая. В этом главная забава. Так вот, по второй версии, ты мужская версия Ассоль.

— Жду алых парусов? — приподнял одну бровь он. Чего только не выдумают скучающие дамочки с богатым воображением!

— Не обязательно. Дама может и на катере приплыть. Но непременно должна появиться из морской дали и сойти на берег в том месте, где ожидаешь ее ты.

— Надеюсь, она меня только пару раз видела? А то боюсь услышать версию о том, что я Аквамен или сам бог морей Нептун...

— Нет, до сказок Женя пока не дошла. Но беглым преступником тебя представила.

— И нарушил я закон ради любимой?

— Разумеется.

— Никогда бы так не сделал, — мотнул головой Фил. — Почти все вопросы можно решить в рамках Уголовного кодекса. Если нет, чуть смухлевать, но продумать, как отмазаться. А на преступление, за которое сажают, я не пойду ради женщины, с которой у меня химия.

Она посмотрела на него внимательно. С каким выражением, Фил не смог разобрать: затемненные стекла мешали. Но ему почему-то казалось,

что со снисхождением. «Бедолага, — наверняка подумала Лида. — Не знаешь, что такое любовь, а рассуждаешь со знанием дела...»

И была права. Фил к девушкам ничего, кроме симпатии, не испытывал. Он даже сексуально не зависел ни от одной, не говоря уже об эмоциональном. Вот и Лида ему просто нравится. Она приятна ему внешне, интересна, как личность, но никакого трепета Фил не ощущал.

«Мне хотелось бы не только заняться с ней сексом, — признался себе он. — Но закрутить курортный роман. Красивый и недолгий. И даже если она бросит меня и сбежит на моторной лодке, я не буду ждать ее на берегу, всматриваясь в даль...»

— Я не буду разочаровывать Джину, — сказала Лида, и тон ее был по-прежнему шутив. Скорее всего, Фил все надумал, и она не судила его за недавно высказанное мнение. Но зачем тогда так пристально рассматривала? Решала, на кого он больше похож: искателя, ждуща или беглеца?

— И о том, что я программист, не говори. Неромантическая профессия.

— Думаю, лучше вообще ей не знать о нашем знакомстве. — Она снова достала воду, сделала пару жадных глотков. — Душно очень, не находишь? Дышать нечем...

Фил качнул головой. После летнего Стамбула с его плавящимся асфальтом, капающими кондиционерами, запахом выхлопных газов, помоек, стоялой воды Босфора, тут, в Лигурии, было более чем комфортно. Там в жару он старался не выходить на улицу днем, поэтому жил в ЖК, построенном дубайской фирмой, в котором и бассейн,

и спорткомплекс, и торговый молл, и рестораны, а тут он гуляет, сидит на террасах, загорает, а на ночь не включает кондиционер, проветривает помещение, открыв балкон.

Лида покачнулась. Едва заметно, но Фил успел это заметить и подхватить ее.

- Тебе плохо? — обеспокоенно спросил он.
- Голова закружилась, сейчас пройдет.
- Давай присядем.
- Нет, мне нужно поскорее спрятаться от жары.
- Зайдем в кафе? Там кондиционер.
- Проводи меня домой, пожалуйста.
- Да, конечно.

Поддерживая Лиду под руку, Фил двинул в указанном направлении.

Спутница его обернулась. Он тоже. За их спинами была насыпь из крупных камней, она шла вдоль всего пляжа. Где-то она была ниже, где-то выше, а именно тут в два валуна. Если подтянуться на руках, то можно сесть. Никто этого не делал, потому что рядом имелись участки комфортной высоты. Но в этот момент на насыпи, болтая ногами, восседал мужчина. В соломенной шляпе, черных очках, костюме из льна. Он осматривался. Просто вертел головой по сторонам, вытягивал шею, чтобы расширить поле зрения. Любопытствовал, так сказали бы любившие этот городок писатели начала прошлого века. На них он не обращал внимания, но Лида... Как будто... Обернулась для того, чтобы посмотреть еще раз на господина в шляпе.

— Вы знакомы? — спросил он у нее.

— С кем? — Лида продолжила уводить Фила с набережной. И весьма настойчиво.

— С мужчиной, что сидит на насыпи.

— Я не видела никакого мужчину. У меня в глазах темно.

— Но ты обернулась...

— Мне показалось, что я выронила из сумки блокнот.

Фил почему-то ей не верил. Более того, ему показалось, что приступ разыгран. Но зачем Лиде притворяться, врать? Филипп снова бросил взгляд через плечо. Пижон совершенно точно за ними (ней) не следил. Он вообще развернулся и теперь смотрел на море, а если точнее, марину. Скорее всего, он прибыл в город на яхте и искал ее глазами.

Дом, в котором жила Лида, находился в пяти минутах. Был он невзрачен, обшарпан, не имел балконов, только узкие длинные окна. Впрочем, в Марина-ди-Пиза таких большинство, но те, что стояли на первой линии, благодаря солнцу, что обливало их, окрашивая в разные тона, смотрелись очень мило.

— Спасибо тебе, Филипп, — проговорила Лида, отстраняясь от него.

— Давай я провожу до квартиры.

— Нет, спасибо.

— Обещаю не напрашиваться в гости.

Она упрямо мотнула головой.

— Приятно было с тобой познакомиться. Чао! — И, послав ему воздушный поцелуй, скрылась за дверью.

Филипп остался стоять у подъезда. Прощание ему не понравилось, но не догонять же Лиду?

«Плохо, что контактами не обменялись, — подумал он. — Но я знаю, где она живет, и это хорошо!»

Квартир в доме немного, найдет нужную, если что.

Филипп пробежал глазами по окнам. На всех стандартные жалюзи, в этот час опущенные. Поняв, что оставаться у дома Лиды бессмысленно, Фил пошел прочь.

Впервые за всю жизнь он решил добиться женщины.

Глава 2

Утром следующего дня Фил, добежав до дикого пляжа, прежде, чем взяться за камень, покопался на близстоящий дом. Он ожидал увидеть фантазерку Джину с кофе и сигареткой, но все до единого балконы были пусты.

Фил глянул на время: еще и семи нет, сегодня он рано проснулся. Значит, модельерша еще спит.

Он начал заниматься. Как никогда с увлечением. До этого брал камни побольше, чтобы усилить нагрузку, сейчас же более мелкие, но перетаскивал их не абы куда, а в определенное место. Фил возводил фундамент своей будущей хижины. Ему вдруг стало любопытно, сможет ли он ее построить за те несколько дней, что остались до отъезда. Если да, Филипп обязательно купит брезент и накроет «коробку». Авось пригодится пляжный домик какому-нибудь скитальцу.

Устав до изнеможения, он окунулся в море. Вода прохладная, бодрящая, а чистая какая! Днем помутнеет, но сейчас каждый камешек на дне виден. Между двумя крупными валунами что-то поблескивало. Кругленькое, желтое. Неужели золото? Монетка или кулон? Фил с бакинского детства мечтал выловить в море что-то подобное.

Друзьям везло, и они находили то цепочку, то сережку, Мурат как-то печатку нашел, а его брат Саид золотой зуб, но Филу не повезло ни разу.

Достав до дна, он стал шарить по камням рукой: из-за ряби не смог сразу подхватить находку. Нащупал, сжал в кулаке, вынырнул. Увы, не повезло Филу и на сей раз. В его руках оказалась пуговица. Да, красивая, блестящая, но не драгоценная. Обычная пластмассовая пуговица, покрытая золоченой краской. Судя по всему, ее недавно уронили в море, и вода не успела ее попортить. Фил хотел швырнуть находку обратно в море, но решил не засорять его всякой ерундой. Выкинет в урну, когда будет возвращаться в отель.

Перед тем, как покинуть пляж, он еще раз глянул на балкон. Никого. Прогул тебе, Джина! Пора уже и встать, девятый час пошел.

Вспомнилась Лида. В который раз за утро. Но и ночью она не отпускала. Снилось эпизодично, будила, и Фил долго не мог снова погрузиться в дрему. Ворочался много, подушку с места на место перекаладывал. Из-за Лиды он и вскочил раньше обычного. Спать урывками он не любил, а крепко-накрепко с Морфеем обняться не получалось.

Сильно зацепила непоколебимого Филиппа Лидия. Больше, чем ему вчера показалось. Чем только, непонятно. Встречались в жизни Филадельфии женщины гораздо красивее, очаровательнее, моложе, наконец. Его никогда не тянуло к взрослым дамам, нравились ровесницы, но в последние годы он стал встречаться и с молоденькими. Не потому, что потянуло на свежее мясо, просто те, кому за тридцать, либо уже в браке, либо разведены

и разочарованы в мужчинах, либо ни разу не были в отношениях, что лично Фила настораживало. Такая в него мертвой хваткой вцепится и потащит под венец, забыв о том, что еще недавно твердила: «Замуж я не стремлюсь!»

Лиде за сорок. Она не женственная, не кокетливая, не легкая. А ему так нравились все эти качества, только без отрицательной частицы. Если же без «НЕ», то Лида закрытая, странная, замороженная...

Сложная!

Может, этим и интересная? Она — еще одна трудная задача, которую нужно решить?

Приняв душ и позавтракав в отеле, Фил отправился на почту. Нужно отправить открытки наконец. Естественно, пока шел, опять думал о Лиде и о ее письмах маме. Представил, как та радуется, получая их. И он, повинувшись семиминутному порыву, написал и своей. Не электронное, обычное письмо. В магазинчике купил бумагу, ручку, наклейку на мебель в виде Пизанской башни (чего же еще?), а в кабинке «Моменто фото» сделал несколько своих снимков, чтобы тоже вложить их в конверт. Через двадцать минут письмо было принято итальянской почтой, но и открытки отправлены.

Сделав дело, Фил пошел бродить по городу. Вообще-то еще вчера он думал о поездке в Ливорно. Этот город-порт, крупнейший в Тоскане, находился недалеко. В нем, как Фил слышал, можно полакомиться свежайшими морепродуктами. Они будут прекрасны и в обычной забегаловке, расположенной прямо в порту, и в изысканном ресторане. Он хотел попробовать их и там и там. Да с ледяным шампанским!

Сегодня это желание пропало. Не то чтобы он расхотел мидий и креветок, скорее, раздумал наслаждаться их вкусом в одиночестве: ни обсудить вкус пищи, ни посплетничать о сидящих за соседними столиками посетителей, ни пошутить, ни развлечься болтовней. Трапезу лучше с кем-то разделить, предпочтительно с красивой женщиной. Он представил себя сидящим на террасе видового заведения в компании леди в летящей одежде, стройной, высокой, с точеным профилем. Она очень напоминала Лиду.

«Я приглашу ее! — решил Фил. — Сейчас пойду к ее дому и предложу поехать в Ливорно со мной...»

Он встал и осмотрелся, чтобы сориентироваться. Есть близкий путь, но он решил выбрать другой, а все потому, что проходил он через рынок. С пустыми руками заваливаться некрасиво, а вот с фруктовой корзиной — другое дело.

Фил заторопился. Теперь ему хотелось скорее увидеть Лиду. Он чуть ли не бежал к рынку, там недолго выбирал презент, взяв самый красивый, считай, дорогой, и сразу направился к дому своей новой знакомой. В какой она жила квартире, понял сразу. В этот час жалюзи на окнах были чуть подняты, и он видел подоконники. На одном из них стоял горшочек с цветком, тем самым, что Фил вчера через юного фаната «Манчестера» преподнес Лиде.

Филипп поднял с земли камешек, замахнулся...

И тут же себя остановил. Это в кино получается миленько, а в реальности можно и окно повредить. Камешки тут валяются увесистые, с острыми краями, а не как в море, гладкие. Врежется

такой в стекло, разобьет запросто, либо поцарапает, что тоже нехорошо. Не лучше ли подняться и постучать в дверь? Фил собрался так сделать, но оказалось, что в подъезд не попасть. Вчера можно было, а сегодня нет. Дверь заперта на замок, а домофона нет.

Фил вернулся под окно. Обозвав себя Ромео недоделанным, негромко крикнул:

— Лида!

Никакой реакции за стеклом. Не слышит. Или дома нет?

Дома, самому себе возразил Фил. На подоконнике рядом с цветком лежали наушники, теперь их нет. Значит, пока Филипп ходил к подъездной двери, Лида взяла их.

Кричать еще раз Фил не стал. Решил бросить-таки в стекло грузик. Но не острый камень с земли, а пуговицу, поднятую с морского дна. Он забыл выкинуть ее в урну, протаскал в кармане шорт, а когда вывернул их перед тем, как отдать в стирку, решил оставить себе. Пусть не золото, даже не медь, а все равно трофей. То была блажь, и, понимая это сейчас, Фил пнул пуговицу в окно. Она клацнула по стеклу и отскочила, не принеся ему никого вреда.

Жалюзи дрогнули. Очевидно, Лида раздвинула ламели, чтобы выглянуть во двор. Фил помахал.

Прошло несколько секунд. Он ждал, что окно откроется, но нет. Поняв, кто явился, Лида решила проигнорировать визитера. По-детски спряталась от него.

— Чокнутая, — пробормотал Фил. — Не хочешь видаться, так и скажи...

Он повертел в руке корзину. Куда ее теперь? Он фрукты не любил, но и оставлять их у двери глупо. Не будет же он уподобляться впавшей в детство великовозрастной дуре!

Обозвав Лиду так, Фил удивился самому себе. Как его, однако, разобрало. Когда его прилюдно одноклассница отвергла, не пожелав потанцевать, не так обидно было. Тогда он думал, хорошо, что я в нее не влюблен, а то страдал бы...

Мысли о том, что он влюбился в Лиду, как школьник, Фил допускать не хотел. Ох уж эта романтическая Италия, родина Ромео и Казановы! Даже его свела с ума.

Корзину с фруктами Филипп подарил Фернанде, женщине, с которой он познакомился, едва попав в Марина-ди-Пиза. Она тусовалась на лавочке возле супермаркета при въезде в город. Синьора подсказывала дорогу, давала справки, приглядывала за вещами или крупными собаками, с которыми нельзя в магазин, могла дать прикурить, выручить салфеткой. Она говорила только по-итальянски, но ее все понимали. И давали денежку, хоть Фернанда и не побиравалась.

Ей было лет семьдесят. Она курила что-то крепкое, одевалась просто, но ее образ был всегда оживлен брошками, бусами. Фернанда много улыбалась, не стесняясь беззубой своей пасти, говорила сама с собой, если других собеседников не находилось. Она приходила к открытию супермаркета, а уходила после его закрытия, не забыв помочь работникам собрать тележки. Обедала Фернанда в ближайшей пиццерии. Всегда одно и то же: кальцоне и крестьянский салат. Пи-

ла крепчайший кофе. Между делом перекусывала тем, чем угощали.

Фруктовой корзине она очень обрадовалась. Назвала Фила «тесоро», что можно перевести как «лапочка», и послала ему воздушный поцелуй. Пусть ненадолго, но подняв тем самым настроение.

Филипп вернулся в отель, решив доспать. Лег не в номере, а на панорамном балконе. Широком, тенистом, с видом на пристань. Рядом с собой поставил бутылку минеральной воды. Если беспокойство опять не даст отрешиться, то он пойдет к морю, возьмет в прокат водный мотоцикл и будет гонять на нем, пока не обессилит...

Но дрема быстро окутала Фила. Погружаясь в сон, он снова увидел Лиду, и она будто взывала к нему, но концентрироваться на ней все равно что портить себе сиесту. Отогнав женский образ, Филипп уснул.

* * *

Он считал себя бакинцем. Уже потом москвичом и в последнюю очередь стамбульцем. Когда Фила спрашивали, откуда он, даже сейчас он машинально отвечал: «Из Азербайджана».

Он обожал Баку. Для Фила этот город оставался лучшим в мире. Даже современный и мало похожий внешне на тот, в котором он рос, он сохранил свою душу. И все было бы понятно, будь его детство безоблачно. Но Филипп родился в разваливающемся СССР, а рос в стране, только обретшей независимость. Тогда всем было трудно, но русским в бывших республиках Союза особенно. Их не просто притесняли, а выгоняли силой. Не

всех, наверное, но семья Филиппа с этим столкнулась. Их дом закидывали ослиным дерьмом, расписывали оскорбительными надписями, били стекла в окнах. Как-то дом пытались сжечь, но соседи помогли затушить пожар. Большинство из них из благих побуждений, а кто-то просто побоялся, что огонь переметнется на их жилища. На отца нападали. Матери, беременной дочкой, могли не продать овощей на рынке, молока, яиц. Фила дразнили, а когда он пошел в первый класс, побрили наголо, чтобы его рыжие кудри не пламенили на общем темном фоне. Многие русские тогда уехали. Даже те, кому не так доставалось. А Петровы остались. И все из-за отца. Он категорически отказывался бежать. Не только из страны или города — из дома. Его построил прадед Фила, и все поколения семьи жили в нем. «Нужно потерпеть, — говорил отец. — Русофобия скоро пройдет, и мы снова будем спокойно ходить по нашей родной земле...»

Частично он оказался прав. Ненависть к русским утихла, но не так уж и скоро. Над Филом до четвертого класса издевались именно из-за того, что он русский. Пресек это Мурат. Пусть маленький и тощий, но авторитетный пацан. Его оставили на второй год и посадили за парту к Филу. На первом же диктанте по азербайджанскому у него возникли трудности. Он просил списать у соседей спереди и сзади, но никто ему не мог помочь. Тогда Фил подтолкнул к нему свою тетрадь.

— Ты специально, да? — прищурился Мурат. — Чтобы я ошибок наделал и отправился, как debil, в интернат?

— Я пишу без ошибок.

— По-азербайджански? — не поверил тот. До прошлого года большинство предметов преподавалось на русском, а в этом его совсем отменили.

Фил кивнул. Он знал оба языка, как и его отец. Они бакинцы как-никак!

Тогда Мурат получил свою первую пятерку, пусть и с минусом: учитель понял, что пацан списал, но не пойман — не вор.

— Слышь, Пасли, а из-за чего тебя пацаны гнобят? — спросил как-то Мурат во время перемены. Он не сделал уроки и быстро переписывал решение задачи из тетради соседа по парте в свою.

— За то, что я русак.

— Да ну? — не поверил он. — Только из-за этого не могут. Хотя... — Мурат оторвался от письма. — С Изи Каховича в раздевалке трусы стянули, чтоб посмотреть, как у жидов обрезание делают, а потом гольшом вытолкали в коридор.

— Не употребляй слово на букву «ж», пожалуйста.

— А им, жидам, нас называть гоями можно? Это, между прочим, значит «низшие существа». А вы, русаки, тоже хороши! Как всех кавказцев у себя там называете?

— Не знаю, я бакинец.

— Хачами! — Мурат гневно сверкнул своими черными глазами. — Не нравится тебе прозвище Пасли?

— Да нет, нормальное.

Подумаешь, ржавый. У некоторых похуже будут, например, у одноклассника Саида Ахмедова — Зибил. Или «куча мусора». У него бабка со свалки домой всякий хлам таскает. А взять стари-

ка Саида, что уже сорок лет на рынке точит ножи. Его все за глаза по-русски Ссака называют. А все потому, что по молодости лет тот, работая на заправке, бензин ослиной мочой разбавлял.

— Больше тебя обижать не будут, — закончил тот разговор Мурат. — Если только за дело.

И травля уже на следующий день прекратилась. Фил стал таким же, как окружающие его ребята, маленьким бакинцем, говорящим по азербайджански, гоняющим по улицам на скейте, окунающимся в жару в мутные воды Каспия, катающимся зайцем в пригородных автобусах, чтобы добраться до Шихово, где настоящие пляжи... Тырящим на рынке по мелочи, забирающимся в подвалы и на чердаки в надежде поживиться, толкающим приезжим раздавленные на рельсах монеты под видом старинных. Ничего этого Фил не делал ранее. Он гулял или во дворе, или с родителями. И был белый, как мел. Когда же он обрел друзей и стал проводить все свое время на улице, то загорел до оранжевого цвета, несколько раз облез, покрылся крупными темными веснушками, и стал тем, кем его прозвали — Ржавым.

Он стал хуже учиться, забросил занятия в аэроклубе, который посещал вместе с соседом-старшеклассником, но родители его за это не ругали. Они понимали, что мальчишке нужно общение со сверстниками. И если мама иногда волновалась, когда ее мальчик поздно возвращался или его колени были разодраны сильнее, чем обычно, то отец нисколько. Он рос так же, как Фил, разве что хулиганил больше, даже на учете в детской комнате милиции стоял, но об этом, естественно, сыну не рассказывал.

Петровы не уехали бы из Баку, если бы не болезнь отца. Он в тридцать семь перенес свой первый инсульт. Но тогда было время травли, и случившееся легко объяснить стрессом. Второй раз приступ случился ни с того ни с сего, а последствия его оказались серьезнее: он не восстановился полностью, остался хромым. Доктор, который наблюдал старшего Петрова, посоветовал переехать.

— Ни за что! — отрезал папа. — Не для того я отстаивал свои права гражданина Азербайджана, коренного бакинца в девяностые, чтобы сейчас бежать.

— Речь идет о твоей жизни, Павел.

— Я умру тут, и буду похоронен рядом с предками, — не сдавался тот. Говорят, кровь — не вода, но Павел Петров, славянин, выросший на Кавказе, был упрям и горяч, как настоящий джигит.

— О семье подумай. Как они без кормильца?

— Да что ты нагнетаешь? Нормально я себя чувствую.

— Наш климат тебя убивает. Тебе на историческую родину нужно возвращаться, в среднюю полосу России.

— Ни за что!

Но мама уговорила упрямого Павла на переезд. Решили они в Москву ехать, город больших возможностей не только для специалиста по нефтепереработке (отец пошел по стопам своего деду), но и для выпускника одиннадцатого класса. Фил, хоть и не учился на «отлично», был невероятно умен и одарен математически. Отец и мать были уверены, что он поступит в самое престижное высшее заведение.

В Азербайджане они продали все: и дом, и машину, и мебель. Выручили приличную сумму. Жаль, не довезли целиком. Ограбили Петровых в поезде по наводке проводницы. Знала та, что при них куча бабок. Благо большую половину положили на счет дяди Мурата. Он давно в Москву переехал, обжился и готов был землякам на первых порах помогать. Но и Петровы в долгу не оставались, снимали квартиры только для славян для не славян.

Работу отец нашел, но низкооплачиваемую. Фил в МГУ не поступил. Оказалось, одного ума мало, надо еще протекцию иметь, без нее даже с деньгами не сунешься. Хорошо, что он документы в обычный политех подал. Туда по конкурсу прошел, но радости не испытал... Его вообще ничего в Москве не радовало! Мрачный, жестокий, суетливый город, давящий своей атмосферой. Люди хмурые, нервные, невоспитанные, непонятные, точно инопланетяне. Для них он пусть и не хач, но все равно чужак. Говорит с акцентом, держится настороженно, у храмов не крестится, свинину не ест. Сокурсники думали, он мусульманин, а Фил просто не был приучен к храмам и нехалальной пище.

Остальным Москва нравилась. Даже отцу, ярому противнику переезда. Наверное, дело в здоровье. Оно заметно улучшилось, и у Павла появились силы на то, чтобы внедриться в заправочный бизнес земляков. Доли он в нем не имел (и не стремился), но первую зарплату получил хорошую, директорскую.

Год прошел. И он был плодотворным для Фила. Ассимилировавшись немного, он начал добивать-

ся невероятных успехов в учебе. Его, как лучшего первокурсника, уже после первой сессии стали отправлять на городские олимпиады и конкурсы умников. Один, транслируемый по ТВ, он выиграл, и его автоматически зачислили в МГУ. Так Фил попал-таки в престижнейшее высшее учебное заведение Москвы. Но и политех не бросил, а перевелся на вечерний.

То был хороший год... Но не весь.

Беда пришла откуда не ждали. Заправочный бизнес у азеров решили отжать солнцевские. Сами когда-то отдали, не думая на перспективу, а когда спохватились, уже времена криминальных разборок в Лету канули. Но это их не смутило. Постреляли, пожгли, покрушили, что-то отобрали, но в конечном итоге войну проиграли. Сколько в ней народу с обеих сторон пострадало, никто не считал. Лес рубят — щепки летят. Одной из этих щепок оказался Павел Петров. Когда на офис напали, его выбросили в окно. То, что он не умер, упав с седьмого этажа на асфальт, было чудом. Да, стал инвалидом, но умом не повредился, как многие после сильнейшего сотрясения, а ВСЕГО ЛИШЬ обезножил.

Не знали оптимистично настроенные врачи, что для Павла легче было умереть, чем стать обузой. Он больше не кормилец, не помощник, не вожак своей маленькой стаи, а большая проблема. Конечно, Петровым помогали земляки. Деньгами, лекарствами, врачей в дом приводили для осмотра, но вся тяжесть ухода за инвалидом упала на мамины хрупкие плечи. Ее муж мало того, что был недвижим, еще и в депрессию впал. И постоянно просил избавить его и себя от

мук, достать какой-нибудь укол, прекращающий жизнь.

Фил тогда хотел бросить учебу хотя бы в одном вузе, но мать не позволила. И дочери не дала оставить танцевальную студию. Дети не должны страдать и портить свое будущее! Они, родители, и так не дали им того, что обещали. И родину отняли. У Фила точно. Он, как никто, скучал по Баку и, если бы не несчастье, скорее всего, вернулся бы туда.

Отец пролежал четыре года. И они изменили его настолько, что членам семьи иногда казалось, что его подменили. Из окна выкинули одного человека, а на «скорой» увезли другого. Или подмена произошла позже, когда Павел находился в коме?

Перед тем, как отдать Богу душу, он просветлел. Лицом и мыслями. Стал почти таким же, как когда-то. Попросил прощения у всех, наказал захоронить его останки в Баку, поцеловал каждого и, закрыв глаза, упокоился.

Спустя почти десять лет, когда Фил оказался в покое, лежачем, положении, первое, что подумал: «Я не должен превратиться в того человека, на которого подменили отца! Даже если не встану, буду жить на полную катушку: работать, дерзать, заколачивать бабки, развлекаться и дарить радость близким. Я не поддамся унынию, не проникнусь жалостью к себе, не попрошу волшебный укольчик». Но замечая, с какой тоской и болью смотрит на него мама, Филипп дал себе установку подняться. Он не заставит ее еще раз пережить то, что за четыре года состарило ее на десять.

Когда Фил пошел, мама плакала от счастья и лепетала: «Спасибо, сынок!» Она знала, что он в первую очередь сделал это ради нее. Но, узнав,

что тот собирается идти дальше в своем выздоровлении, взбунтовалась:

— Я не могу больше переживать за тебя, у меня сил нет.

— Потерпи, скоро все наладится. Я знаю, что делаю.

— Ой ли? Ты весь в синяках и ходишь хуже, чем раньше.

— Тело адаптируется к новым нагрузкам, дай ему время.

— Ты можешь погубить себя: в лучшем случае надорваться и снова слечь, а в худшем — довести себя до смерти...

Она плакала и качала головой, не соглашаясь с решением сына. Перед ее внутренним взором стояли обе картины, а еще третья — лежащий в кровати Павел, ссохшийся, посеревший, с тусклыми глазами и потрескавшимися губами. И ее огненноволосый конопатый сын с улыбкой до ушей станет таким через десять лет, если снова обезножет. Тогда придут и уныние, и боль, и злость на себя (мог остановиться, но не стал!), и неизбежно мысль о смерти.

— Ходи в бассейн, на массаж, поддерживай свою подвижность, — умоляюще проговорила она. — Но не рви жилы!

— Мне нужен мощный мышечный каркас. Без него никак.

— Ты никогда не был атлетом, а сейчас у тебя тем более не получится накачаться.

— Это почему же? — Фил тогда очень на маму обиделся. Она не верит в сына? После того, как он сделал невозможное? Или считает это не его заслугой, а чудом?

— Ты человек с ограниченными возможностями, Филя! — перешла на крик она. — И это навсегда! Мы не в русских былинах, и ты не Илья Муромец.

— Границы мы устанавливаем сами, — холодно возразил ей он. — Я поднялся на ноги ради тебя. Теперь я буду действовать ради себя. Прими это.

Она уже на следующий день извинилась за свое поведение. Фил, естественно, заверил ее в том, что все в порядке, он не в обиде. И это было так. Никакого осадка после ссор с мамой у него не оставалось, он любил ее безоглядно и готов был оправдать любой ее поступок, слово, эмоцию. В отличие от сестры. Наташка с родительницей не очень хорошо ладила. Ругалась постоянно, все требовала особого к себе отношения. Ей казалось, что мать всю себя отдает мужчинам, а дочь обделяет вниманием, теплотой, заботой. «Мне тоже себе позвоночник сломать, чтоб ты начала мне помогать?» — в обиде кричала она.

Отношения между ними наладились, когда Наташка замуж вышла. Разъехавшись с мамой, дочь начала скучать по ней. И советы ее, нравоучения не раздражали, а заставляли задуматься, посмотреть на проблему с иной стороны. А еще оказалось, что мама не вмешивается в конфликты дочери с братом, подругами, педагогами, ухажерами (Наташка умудрялась в них вступать регулярно и ждала, что родительница примет ее сторону) не потому, что ей наплевать, она дает дочери возможность разобраться самой. Но, надо отметить, Наталья с возрастом вообще стала к людям терпимее. А особенно к родным. Спасибо за это ее му-

жу, брату Мурата Саиду. Он был в Наташку с детства влюблен. Она же его не замечала, считала страшеньким, к тому же маменькиным сынком. И замуж за азербайджанца выходить не желала категорически. Грезил о европейцах. Мечтала жить не по традициям давно умерших предков, а современно, ярко, свободно. Видела себя продвинутой, эмансипированной, деловой женщиной, равной партнершей своему мужу, а не хранительницей домашнего очага. Уж нет давно их, очагов этих пресловутых, везде центральное отопление и газовые плиты! Не остынут, не погаснут, если вовремя по счетам заплатить. А мужикам кавказским все хранительниц подавай, хозяйшек, наседок. Таких, как их мамы...

Нашла-таки себе немца. Замуж не вышла за него, а съехала, в лучших современных традициях. Ладно, в Москве жили, а не в Германии, оттуда так легко не убежишь. А Наташка именно убегала от гражданского своего супруга с одним чемоданом. Остальное у нее отобрали. Все подарки и даже то, что покупали в складчину. Хотела равного партнерства? Изволь скинуться на коммуналку, мебель, технику. Ручками посуду мыть не хочешь? Бери посудомойку. И бери на свои, потому что ты не справляешься с обязанностью — на мне еженедельная уборка, и я оплачиваю клининг. Справедливо? Объективно да. И каждый цивилизованный человек со мной согласится.

Устав от обвинений в дремучести, ругани из-за ерунды, подсчетов каждой копейки и ревности в духе мавра, к коим муж как истинный ариец относился с плохо скрытым пренебрежением, На-